

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 января 1970 г. на кафедре русского языка филологического факультета Московского университета проходила научная сессия в честь с е м и д е с я т и п я т и л е т и я академика Виктора Владимировича Виноградова.

В своем вступительном слове председатель лингвистической секции Ученого совета Р. А. Б у д а г о в говорил об исключительной многогранности исследовательской работы замечательного русского филолога, крупнейшего историографа русского языкознания, создателя самостоятельной научной дисциплины — истории русского литературного языка. В. В. Виноградов принадлежал к тем ученым, у кого именно материал служил основой для построения общей теории языка. Совершенствуя точность анализа, он развивал языкознание как гуманитарную науку, самым методом своей работы доказывая бесперспективность спора тех лингвистов, которые противопоставляют точность исследования и гуманитарность науки как полярные понятия.

Доклады, представленные на сессии, были посвящены развитию и конкретизации некоторых грамматических идей В. В. Виноградова.

Т. П. Л о м т е в (Москва) в докладе «Грамматические категории предложения» говорил о тех условиях, которые делают слово или цепочку слов предложением. Разыскивая формальные признаки предикативности, одни исследователи считали таким признаком наличие в составе предложения глагола, другие выделяли его в интонационном единстве. В. В. Виноградов указал иной подход к проблеме. Если предложение является предметом изучения в грамматической науке, то оно не может не быть грамматической единицей и, следовательно, обладает грамматическими категориями, которые не свойственны словам. Таковы: 1) грамматическая модальность, 2) грамматическая категория конвертируемости, 3) грамматическая категория определенности, неопределенности и обобщенности.

Доклад Н. Ю. Ш в е д о в о й (Москва) «Согласование и координация, их сходство и различие» был посвящен разграниче-

нию тех явлений, которые обычно объединяются под термином «согласование»: согласования существительного и прилагательного по законам подчинительных связей слов и формальной координации главных членов двусоставного предложения. Отмечая, что эти два явления внутренне глубоко различны, В. В. Виноградов называл явления второго рода «уподоблением».

Исходя из того, что идентификацию грамматических явлений нельзя осуществлять на основе только их внешнего сходства, Н. Ю. Шведова стремилась учесть весь комплекс признаков, характеризующих эти явления. Для подчинительной связи согласования это 1) формальное уподобление; 2) возникшие при этом атрибутивные отношения; 3) парадигматические изменения на уровне словосочетания; 4) вхождение в оппозиции с другими единицами уровня словосочетания; 5) свой собственный круг функций, из которых первичной является функция называния. Связь координации («уподобления») совпадает с согласованием только по признаку формального сходства на синтагматической основе, остальными же признаками эта связь отличается от согласования: 1) на парадигматической оси связь приобретает особые, свои собственные формы; 2) в образующейся на основе координации единице возникают предикативные отношения; 3) парадигматические изменения этой единицы относятся к уровню предложения; 4) эта единица входит в оппозиции с другими единицами уровня предложения; 5) она имеет свой собственный круг функций, из которых первичной является функция сообщения.

В. А. Б е л о ш а п к о в а (Москва) в докладе «Анафорические элементы в сложноподчиненном предложении», опираясь на положение В. В. Виноградова о необходимости исследовать «построение основных частей или членов сложного предложения», считает основной задачей синтаксиса сложного предложения на данном этапе систематическое изучение того, как образующие сложное предложение предикативные единицы приспособляются к структуре целого.

Такое приспособление проявляется, например, во включении в образующие сложное предложение предикативные единицы анафорических элементов, которые выступают как семантические и синтаксические скрепы частей сложного предложения. В. А. Белошапкова охарактеризовала анафорические элементы по их месту и функции в сложном предложении, выделила классы собственно соотносительных слов по характеру их сочетаемости с союзными средствами и классы союзных слов по их соотносительности с семантическим наполнением главной части.

Б. Н. Головин (Горький) в докладе «О категории залога современного русского глагола» напомнил о том, что В. В. Виноградов в изучении морфологии придавал важнейшее значение исследованию семантики грамматических категорий; при условии верного понимания именно семантической стороны категории залога противоречия в осмыслении этой категории, по мнению докладчика, могли бы быть сглажены, а возможно, и устранены. Б. Н. Головин предложил свое понимание грамматического существа категорий переходности, возвратности, залога и структурных границ между ними. Грамматическим значением категории залога является информация о соотносительности процессов по признакам «воздействие» — «порожденное этим воздействием состояние». Это значение выражается наличием — отсутствием постфикса *-ся*, типовой сочетаемостью с винительным падежом объекта и творительным падежом деятеля и некоторыми другими показателями (например, в причастиях). Посредством этого грамматического значения и соответствующих формальных показателей сопряжены, различены и противопоставлены действительный и страдательный залог. Этим залогам противопоставит залог средний, он нейтрален и по отношению к указанному грамматическому значению, и по отношению к внешним выразителям этого значения. Категория залога, по убеждению Б. Н. Головина, по своему грамматическому существу морфологична и сохраняется глаголом независимо от его синтаксической позиции.

Академик В. В. Виноградов дал первую классификацию способов словообразования и образцы деривационного анализа слов и фразеологических оборотов, — сказал в своем докладе «Деривация слов и фразеологических оборотов» чл.-корр. АПН Н. М. Шанский (Москва). По мнению докладчика, как слова, так и фразеологические обороты — в отличие от других значимых единиц — принадлежат строительному материалу языка. Функциональная тождественность этих единиц обуславливает их вхождение в единую лексико-фразеологическую систему. Этому способствуют и генетические узы, связывающие многие лексические и фразеологические единицы, равно как и

вытекающие отсюда деривационные корреляции: в языке постоянно и интенсивно протекают процессы как универбации фразеологических оборотов, так и иффраэологизация слов.

Целый ряд способов деривации и их частных разновидностей используется для создания и слов, и фразеологических оборотов, хотя бесспорны и различия в деривации тех и других.

Н. М. Шанский подчеркнул, что изучение общего и дифференциального в способах деривации слов и фразеологизмов имеет принципиальное значение для исторической лексикологии, теории словообразования, а также практики этимологизирования.

На сессии было принято решение периодически в дни памятных дат проводить научные конференции, ивред именуя их «Виноградовскими чтениями».

А. Н. Качалкин (Москва)

*

В связи с работой по созданию Белорусского этимологического словаря в Институте языкознания АН БССР было принято решение о регулярном обсуждении вопросов, связанных с иноязычными лексическими элементами в белорусском языке.

Первым шагом в этом направлении явился составление анкеты к проблеме «Лексические балтизмы в белорусском языке». Анкета была составлена в конце 1968 г. и разослана специалистам. В ее состав вошли следующие вопросы:

1. Следует ли выделять в белорусском языке три слоя балтизмов: праславянский, православнославянский, собственно белорусский?
2. Каковы критерии (лингвистические и экстралингвистические) относительной хронологии балтизмов в белорусском языке?
3. Можно ли говорить об определенных ареалах распространения балтизмов в белорусском языке?
4. Какие лексические группы балтизмов выделяются в белорусском языке (терминологическая лексика, экспрессивная лексика и т. д.)?
5. Какова роль «языкового престижа» в балто-белорусских языковых отношениях (в области лексики)?
6. Как отличить балто-славянские лексические изоглоссы от старых балтизмов в белорусском языке?
7. Как соотносятся белорусские диалектные балтизмы с балтийскими диалектами?
8. Можно ли предположить для белорусских балтизмов в качестве источника исчезнувший балтийский диалект (группу диалектов)?
9. Какие слова, по Вашему мнению, являются белорусскими балтизмами (из

числа слов, к балтизмам ранее не относимых)?

10. Каковы критерии определения белорусских калек с балтийского?

В течение 1969 г. в адрес инициативной группы поступило 15 ответов на анкету, которые были опубликованы в виде отдельного сборника¹. 23—24 октября 1969 г. часть авторов этих ответов на анкету обсудила опубликованные материалы.

В ответах на вопросы 1 и 6 отмечалась принципиальная возможность выделения трех слоев балтизмов; в то же время обращалось внимание на методологические трудности, связанные с попытками обнаружить праславянские балтизмы (А. Врочу — Яссы, В. Дамбе — Рига, В. Кипарский — Хельсинки, В. В. Мартынов — Минск, Ю. В. Откупщиков — Ленинград, Э. Смулкова — Варшава, Н. И. Толстой — Москва, Г. А. Цыхун — Минск).

К числу гипотетических праславянских балтизмов В. В. Мартынов отнес слав. **ortajъ* < балт. **artojis* (уникальность словообразовательной модели для праславянского, продуктивность балтийской суффиксации *Nomina agentis* **tā-jo*, наличие праславянского абсолютного синонима **orakъ* с продуктивной славянской суффиксацией *-akъ* и т. д.), слав. **tolka* < балт. *talka* (наличие в балтийских языках первичного глагола с закономерным апофоническим корневым *e*: ср. литов. *teikti/talkà* и т. д.). Ю. В. Откупщиков к числу праславянских балтизмов отнес слав. **remesъ* < балт. **remesas*, ср. литов. *remti/ramtjti/remėsas*.

Для различения православославянских и собственно белорусских балтизмов в ряде ответов приводились вполне надежные, преимущественно фонетические критерии.

В качестве особо важного рядом авторов был выдвинут лингвогеографический критерий (Э. Смулкова, А. Е. Супрун — Минск, Н. И. Толстой, Г. А. Цыхун). Н. И. Толстой предложил составить атлас восточнославянских балтизмов. Он видит возможность лингвогеографической хронологизации заимствований, различия заимствований, проникновений и реликтовой (субстратной) лексики. На аналогичные возможности указывают Э. Смулкова, А. Е. Супрун и Г. А. Цыхун. А. Е. Супрун и Г. А. Цыхун вводят лингвогеографический крите-

рий непосредственно для верификации конкретных балтизмов.

Значительный интерес представляют ответы на вопрос 3. В то время как В. Кипарский полагает, что «определенных ареалов распространения балтизмов в белорусском языке установить на основании литературы почти невозможно», Г. А. Цыхун убедительно показывает, что фонетические и словообразовательные варианты даже немногих балтизмов, зафиксированных в белорусском диалектологическом атласе, располагаются в двух ареалах (*сверан* — *свіран*, *паршук* — *парсюк*, *мята* — *мяташка* и т. д.). Это, несомненно, один из весьма важных выводов.

Ответы на вопросы 7 и 8 не дали необходимых материалов, что объясняется минимальной изученностью проблемы. Это же следует сказать и об ответах на вопрос 5, хотя здесь в качестве образца могла послужить методика Т. Милевского, примененная им к изучению прусско-польских языковых отношений. Из балтийских калек в белорусском была приведена только одна: белорусск. *калы драць* — латыш. *āžus kaut, durt, dīrat, plēst* (В. Кипарский).

Самыми важными для белорусской этимологии явились ответы на вопрос 9. Ряд авторов уделил основное внимание ответам на этот вопрос. Ареальные характеристики рассматриваемых заимствований колеблются от максимальных (польско-белорусско-русско-украинские) до минимальных (пограничные белорусские регионализмы). Среди них — названия рыб: *келб*, *пукас*, *курмель*, *стынка* у А. С. Герда (Ленинград), *вязало* — у Б. Лаумане (Рига); рыболовецкая терминология: *геглі*, *варжа*, *ганта*, *трыбрат* — у Б. Лаумане; ботаническая терминология: *габіна*, *гігель*, *гірса*, *пад'ялінец*, *шал'ябабона*, *шумята* — у А. П. Непокупного (Киев); сельскохозяйственная терминология: *брызгуль*, *шпуль*, *мента*, *грыжа*, *каліка*, *келтуя*, *гігале*, *гіч*, *гегэ* — у Э. Смулковой; отдельные примеры: *ассер*, *найда* — у Р. В. Кравчука (Минск); *доля*, *варганіць*, *кірпаты* — у В. В. Мартынова, *бінда* — у Ю. В. Откупщикова. Особенно богаты списки разнообразной лексики литовского происхождения у Ю. Лаучюте (Ленинград) и Г. А. Цыхуна: *брыж*, *вырас*, *дырдас*, *дырда*, *дылда*, *крупня*, *швагрэня*, *шкілэндзя*, *савіта*, *трыніца*, *сэдзіба*, *бурбалка* (Ю. Лаучюте); *ашакі*, *вакарына*, *гіль*, *гірма*, *жаары*, *крайка*, *кудра*, *кумець*, *кушпель*, *мэшты*, *пусла*, *пямпаць*, *райдонікі*, *свірбуль*, *скарач*, *шакалі*, *шкілэнда* (Г. А. Цыхун). Некоторые из этих лексем уже упоминались в литературе и здесь получили дополнительную фонетическую, словообразовательную, семантическую и лингвогеографическую аргументацию. Большинство примеров из этого списка, насколько известно, вводятся в научный обиход впервые.

При обсуждении опубликованных мате-

¹ «Лексичныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання)», Мінск, 1969. Когда сборник уже находился в производстве, вышла в свет первая часть статьи В. Урбутиса, которая представляет собой наиболее полную аргументированную сводку литуанизмов в белорусском языке [V. U r b u t i s, Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai, «Baltistica», V (1), 1969].

риалов было выдвинуто много дополнительных соображений как по проблеме в целом, так и по частным этимологическим версиям. Был введен также дополнительный фактический материал.

В обзоре ответов на вопросы анкеты В. В. М а р т ы н о в вновь остановился на методологических трудностях, возникающих при попытках отличить балто-славянские лексические инновации от древнейших балтизмов в славянских языках. Характеризуя критерий словообразовательной инновации как основной при определении древнейших балтизмов, он в то же время обратил внимание на большую сохранность архаичного именного словообразования и первичных глаголов в балтийских языках, что создает дополнительные трудности верификации балтизмов.

Ю. В. О т к у п ш и к о в призвал к тщательной разработке критериев для определения балтизмов. Он также указал на необходимость учета случаев, когда славянская лексема отражает балтийскую словообразовательную модель при отсутствии непосредственной лексемы-источника в известном балтийском лексическом материале. Такие лексемы, по его мнению, должны рассматриваться как балтийские реликты.

А. Е. С у п р у н указал на целесообразность особого рассмотрения слоя западнорусских балтизмов. Проблема регионализмов, как он полагает, должна рассматриваться в связи с праславянской диалектологией. Он в то же время предостерег против наращивания числа локализмов и окказионализмов. Для исключения последних должна быть введена мера освоения слов.

Э. С м у л к о в а предложила составить полный реестр балто-славянских параллелей. Она заметила, что квалификация балтизмов как общевосточнославянских требует определения времени заимствования. Необходимо, по ее мнению, также сочетать лингвогеографический критерий с топонимическим, учитывая сохранение в топонимике единиц, ныне отсутствующих в апеллятивной лексике.

А. С. Г е р д обратил внимание на обязательность разграничения балтизмов и балто-финно-славянских параллелей, происхождение которых может быть иного рода и восходить к более древней эпохе. Он указал также на необходимость учета различных вариантов членения славянской языковой территории. О хронологии, по его мнению, можно говорить только как о смене изоглоссных областей. Специальный интерес представляют, с точки зрения временной и пространственной стратификации, балтизмы, обнаруживаемые в других славянских языках и не зафиксированные в белорусском. И, наконец, различная представленность балтизмов в арго и профессиональных языках.

Г. А. Ц ы х у н в своем выступлении специально остановился на ценности локальных балтизмов. Он придает им большую важность наряду с лексикой балтийского происхождения, выявляемой косвенно, через анализ антропонимики.

Ю. Л а у ч ю т е отметила, что балтизмы проникали в славянские диалекты непосредственно, в процессе устной коммуникации, а не через письменный язык. Отсюда тематическая ограниченность этой лексики. По приблизительным подсчетам, отношение числа польских, белорусских и русских балтизмов соответствует 400 : 300 : 200. При этом число исключительно белорусских балтизмов равно 160, а исключительно русских — 46. Эти подсчеты, однако, как заметила выступавшая, в определенной степени зависят от источников, на основе которых они проводились. В частности, польские источники были представлены лучше других.

А. П. Н е п о к у п н ы й заявил в своем выступлении, что разграничение локальных и общих балтизмов — это разграничение познающего и непознающего. Коснувшись проблем ареалов распространения балтизмов на белорусской языковой территории, он остановился на обнаруженной им в полевых условиях границе между распространением лексем *бонда* и *скитар*. Граница эта проходит по Березине. Он полагает, что эта граница отражает древнее диалектное членение.

А. Е. С у п р у н подчеркнул, что многие локальные балтизмы так и останутся локальными, но что тем не менее их изучение имеет важную сторону: оно вскрывает механизм этих процессов.

Второй день обсуждения материалов был посвящен рассмотрению конкретных этимологических версий. А. Е. С у п р у н высказал сомнение в балтийском происхождении белорусского и русского *варган* — *варганить* (ср. литов. *vaigas* «труд, горе»). По его мнению, рассматриваемый глагол связан с русск. *варганить* «шуметь кричать» и сев.-русск. *варганить* «кипеть (с шумом)», которые в свою очередь возводятся к *варган* «шумовой инструмент», известный еще Древней Руси. М. Я. Г р и н б л а т (Минск) отметил минское (Вилейский р-н) *варган* «шумный верзлал».

М. С а в и ц к е н е (Вильнюс) обратила внимание на то, что могилевское *апока* «разина, увалень» можно объяснять как локальный литуанизм в связи с тем, что места его фиксации совпадают с литовскими селами.

Свое обширное выступление А. И. Ж у р а в с к и й (Минск) посвятил литуанизмам в старобелорусском языке. Он указал на то, что Яблонские очень преувеличили удельный вес литуанизмов в белорусских письменных памятниках, поскольку рассматривались памятники преимущественно с литовской этнической терри-

тории. А. И. Журавский полагает, что выборочная обработка актового материала показывает наличие в нем около 40 диалектизмов.

Р. В. Кравчук выступил с критикой версий о балтийском происхождении *келб*, *дырдас*, *мент*, *гич* и др. Им был проведен детальный словообразовательный и лингвостранографический анализ, который показал возможности рассматривания данных слов в качестве исконных. Слова с -s- исходом, по мнению выступавшего, имеются во всех или по крайней мере в большинстве славянских диалектов, и считать их балтийскими не обязательно. Слово *гич*, по-видимому, еще праславянское и с литов. *gīcas* не имеет ничего общего. Слово *келб* можно рассматривать как полонизм. Польск. *kiełb*, в свою очередь, восходит к праслав. **kělъbъ*.

Выступившая затем Э. Смулова, признав критику балтийской версии происхождения *гич* основательной, в свою очередь убедительно обосновала версию о литовском происхождении *мент*.

Р. В. Кравчук сделал также ряд критических замечаний по балтийским версиям происхождения праслав. **ortajъ* и белорусск. *kipnaty*, *kipnanosy*. Он предположил, что **ortajъ* < **orti*, а **orakjъ* < **orati*, причем второе позднее первого, поскольку первое — производное от первичного глагола. В дальнейшем исконная архаичная форма **ortajъ* была вытеснена во многих диалектах вторичной **orakjъ*. Что касается слова *kipnaty*, то соответствующие белорусские и украинские формы могли возникнуть от первичного сохранившегося в польских диалектах *pyrkaty*, которое в свою очередь объясняется как германизм.

В. Дамбе обратила внимание участников симпозиума на неправомерность оперирования литовской лексикой, не имеющей параллелей в других балтийских языках, в качестве древней балтийской.

Ю. Лаучюте заявила, что она допускает наличие исконнославянских слов с -s- исходом (исконными, например, являются польские имена на -ś), но наличие таких образований поддерживает, делает более устойчивыми заимствованные лексемы с -s- исходом.

Выступавший в заключение А. А. Кривич (Минск) остановился на ряде интересных закономерностей функционирования слова в пространстве. Так, обсуждавшийся литуанизм *мент* на границе с ареалом, где соответствующая реалья называется *трапачка*, преобразуется в *мянташка*.

Продолжавшаяся два дня дискуссия показала, что проблема «Лексические балтизмы в белорусском языке» таит в себе еще много неясного, а собранный до сих пор материал очень далек от полноты.

В. В. Мартынов (Минск)

*

17—19 ноября 1969 г. в г. Тбилиси состоялось совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, организованное Научным советом по диалектологии и истории языка при ОЛЯ АН СССР и Институтом языкознания АН ГрузССР. Основной для дискуссии послужили ответы на вопросы по проблематике совещания, разработанные бюро Научного совета по диалектологии и истории языка при ОЛЯ АН СССР и опубликованные в ИАН ОЛЯ (1966, 4) ¹.

Прочитанные на совещании доклады были посвящены трем основным проблемам: проблеме диалектологии и лингвостранографического изучения современных языков, проблеме исторического развития языков и проблеме использования данных диалектологии и истории языка в изучении наиболее общих закономерностей языкового развития и истории народов ².

Совещание открыл председатель Научного совета по диалектологии и истории языка чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов (Москва), который сделал краткий обзор проблем, стоящих перед совещанием, в частности, подчеркнул важность привлечения данных современных диалектов, с одной стороны, и материалов, извлеченных из памятников письменности, с другой, при изучении любого лингвистического явления.

Акад. Грузинской АН А. С. Чикобава (Тбилиси) в докладе «Диалектология и вопросы реконструкции истории языка» подчеркнул взаимосвязь, взаимобусловленность и принципиальное единство двух дисциплин — диалектологии и истории языка. «Цель лингвостранографии — история, лингвостранография — средство истории». Что касается бесписьменных и младописьменных языков, то основу их научного изучения составляют данные всех их диалектов. Это положение важно учитывать при исследовании иберийско-кавказских языков, среди которых 12 письменных и не менее 20 бесписьменных. О важности использования совокупности диалектных данных современного языкового состояния и данных истории языка при исследовании языков с длинной письменной традицией говорила В. С. Расторгуева (Москва) в докладе «О роли диалектных данных при изучении процессов развития языка», построенном на материале таджикского языка. В докладе А. Е. Супруна (Минск)

¹ См.: «Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросы», М., 1969 (ротапринт).

² См.: «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (тезисы докладов)», М., 1969 (ротапринт).

«Диалектные и письменные источники в исторической лексикологии» было обращено внимание на то, что «историческая лексикология предстает как некоторая трехмерная структура, одна из осей которой соответствует... лексической системе, ... другая отражает географическое распространение разновидностей этой системы, а третья их историческое изменение».

Целый ряд докладов был посвящен диалектологической проблематике. Ф. Т. Ж и л к о (Киев) в своем докладе «Изоглоссы, лингвистический ландшафт и его особенности» говорил о территориальной оппозиции как об одном из главнейших выражений функционирования языка в пространстве. Лингвистические ландшафты как пространственная проекция различных территориальных языковых единиц являются выражением изменения и развития языка во времени и пространстве. Ф. Т. Жилко подробно остановился на разновидностях лингвистических ландшафтов национальных, генетически родственных языков и языковых союзов, взятых в синхронном и диахронном плане.

Доклад О. Н. М о р а х о в с к о й (Москва) «Предмет и построение описательной диалектологии в ее отношении к истории языка» касался разграничения двух аспектов описательной диалектологии (собственно лингвистического и территориального); при этом учитывалось различие методов, применимых для каждого из этих аспектов, и соответствующих им методов исторического изучения языка.

В докладе «Основные типы диалектных систем тюркских языков (к проблеме разработки общетюркского диалектологического атласа)» Н. А. Б а с к а к о в (Москва) говорил о необходимости учитывать влияние феодальных и родоплеменных образований на диалектное членение тюркских языков. Проблематику и содержание работы над общетюркским диалектологическим атласом осветил акад. Азербайджанской АН М. Ш. Ш и р а л и е в (Баку).

Сводному диалектологическому атласу русского языка был посвящен доклад С. В. Б р о м л е й (Москва). Этот атлас является обобщением многолетней работы диалектологов-русистов по изучению русских говоров Европейской части РСФСР. О работе над диалектологическим атласом грузинского языка рассказывал А. Г. М а р т и р о с о в (Тбилиси). Р. Я. У д л е р (Кишинев) выступил с докладом «Значение материалов молдавского лингвистического атласа для исследования современного литературного языка и его истории».

Значительное число докладов было посвящено вопросам изучения диалектов группы иберийско-кавказских языков — доклады Т. Е. Г у д а в а, И. И. К а

в т а р а д з е, А. А. М а г о м е т о в а, Вл. Н. П а н ч в и д з е, Г. В. Т о ц у р и а, Ф. Г. У т у р г а и д з е (Тбилиси).

С информацией о состоянии диалектологической работы в союзных и автономных республиках выступили представители Эстонии (А. Я. У н и в е р е), Киргизии (Г. Б. Б а к и н о в а), Коми филиала АН СССР (Н. А. К о л е г о в а).

Большой интерес вызвал доклад акад. Армянской АН Г. Б. Д ж а у к я н а (Ереван) «К обоснованию новой диалектологической дисциплины — диалектной статистики». Диалектная статистика вместо лингвистических карт использует соответствующие таблицы, которые являются моделью карты; при определении диалектных центров и границ она руководствуется не характером распространения изоглоссы, а цифровыми данными, характеризующими количество совпадающих и различающихся диалектных черт. Автором доклада была предложена классификация армянских диалектов, основанная на принципах лингвистической географии и диалектной статистики, названная им условно изоглоссной или многопризнаковой классификацией. Она качественно отличается от принятых до сих пор однопризнаковых классификаций (морфологической и фонетической). Диалектная статистика может быть не только синхронной, но и диахронической.

Выступавшие по докладу, в частности Н. Н. П ш е н и ч н о в а (Москва), отметив несомненный интерес и ценность предложенной Г. Б. Джаукяном методики, указали на некоторые спорные вопросы (отбор признаков, на основании которых проводится классификация, выбор населенных пунктов и т. п.). О составлении частотного словаря городского интердиалекта рассказал в своем выступлении В. А. С е н к е в и ч (Магнитогорск).

Историческая проблематика совещания нашла отражение в докладе А. И. Ж у р а в с к о г о (Минск) «Отношение белорусского народно-разговорного языка к литературному на разных этапах их истории». В выступлении О. А. К н я з е в с к о й (Москва) подчеркивалась огромная роль письменных источников и прежде всего рукописных материалов, хранящихся в архивах Советского Союза, для изучения языковых процессов.

Одно из заседаний проходило в помещении Института рукописей АН ГрузССР, где участники совещания ознакомились с богатой и интересной экспозицией музеев древних рукописей.

Совещание приняло решение, в котором содержатся рекомендации относительно работы отдельных учреждений, принимавших участие в совещании, и просьба к Научному совету по диалектологии и истории языка при ОЛЯ АН

СССР подготовить сборник «Основные проблемы диалектологии и истории языка» на основе докладов совещания.

Л. В. Вязкина, В. Ф. Коннова (Москва)

*

19 января 1970 г. в Москве состоялось очередное годовичное заседание Научного совета по проблеме «Теория советского языкознания». В повестке дня были доклады А. Д. Швейцера (Москва) «Теоретические взгляды американских социолингвистов», Г. А. Климова (Москва) «К общей теории эргативной конструкции предложения», сообщение Т. В. Гамкрелидзе (Тбилиси) «О работе кафедры структурной лингвистики Тбилисского государственного университета», а также отчетный доклад о деятельности Совета в 1969 г. В начале заседания собравшиеся почтили память скончавшегося 4-го октября 1969 г. крупнейшего советского языковеда акад. В. В. Виноградова. С кратким словом о выдающемся ученом выступил председатель Совета акад. В. М. Жирмунский.

Темой доклада А. Д. Швейцера явился анализ теоретических установок американской социолингвистики. Отметив значительное расширение фронта ее работ, докладчик подчеркнул, что критика целого ряда принципиальных положений дескриптивизма о языке сочетается в ней со стремлением к выдержанному структурному подходу в исследовании своего предмета. Структурный подход обычно выражается здесь в опирающемся на идею об изоморфности языка и культуры тезисе о возможности описания языковых, культурных и социальных систем в единых терминах структурной лингвистики, о возможности построения «культурных грамматик». Впрочем работы такого рода ограничиваются немногими замкнутыми микросистемами. Не нашла широкого применения и бихевиористская модель К. Пайка, построенная как метаязык для описания языковых, социальных и психолингвистических явлений в терминах дискретных «эмических единиц». Сама концепция изоморфизма языка и культуры встречает все более резкие возражения среди лингвистов США. На этом фоне интереснее выглядит программа социолингвистических исследований, выдвинутая Д. Хаймсом, и сводящаяся к изучению механизма воздействия социальных факторов на речевую и вообще коммуникативную деятельность в понятиях теории связи: при этом предметом социолингвистики становится изучение речевого поведения в плане отношений между ситуацией, участниками, темой и функциями коммуникативного акта. Хотя социолингвистическая проблематика и не своди-

ма к проблемам речевого поведения, именно этот аспект социолингвистики разрабатывается в США наиболее плодотворно. Значительный интерес представляют здесь также наблюдения над социальной stratификацией языка и диглоссией (В. Лабов, Б. Левин, Г. Крокетт). Заслуживают внимания и работы Дж. Гамперца в области социально обусловленного речевого поведения малых групп. Если используемые американскими учеными модели социальной структуры общества для советских социолингвистов неприменимы, то, по мнению докладчика, многие из применяемых ими методик, равно как и полученные конкретные результаты, заслуживают пристального внимания и изучения.

В докладе Г. А. Климова, в общих чертах охарактеризовавшего состояние разработки проблемы эргативной конструкции предложения в современных синтаксических концепциях, была подчеркнута насущная необходимость построения общей теории эргативности, начало которой было положено известными работами И. И. Мещанинова. Существенными недостатками в разработке соответствующей проблематики в настоящее время остаются опора на ограниченную эмпирическую базу исследования (такую обычно составляют либо кавказские, либо палеоазиатские языки, либо баскский), с одной стороны, и недостаточный контакт с идеями общего синтаксиса, с другой. Необходимым условием дальнейшего прогресса теории эргативности является выработка единой системы признаков идентификации эргативной конструкции предложения в разноструктурных языках (до сих пор имеют место случаи ее смешения с аффертивной, индифинитной и даже номинативной). В этой связи в докладе акцентировалась теоретическая важность изучения многообразных конструкций промежуточного характера, позволяющего выявлять общие механизмы как становления, так и деградации выдержанных типов эргативности. В этом механизме, впрочем, как и в синхронном функционировании соответствующего предложения, доминантой всегда оказывается переходный глагол, отличный по своей морфологической структуре от непереходного. Именно снятие противопоставления в морфологической структуре переходного и непереходного глаголов влечет за собой номинативизацию всего построения предложения. Ряд дополнительных вопросов ставит эргативная конструкция предложения в языках с развитой залоговой оппозицией в глаголе. В заключение докладчик коротко коснулся проблемы генезиса эргативного строя. В последней связи в общем, по-видимому, оправдана квалификация лабильного и стабильного вариантов эргативной конструкции как отражения двух ступеней в истории эргативности.

Заведующий кафедрой структурной лингвистики Тбилисского гос. ун-та чл.-корр. АН ГрузССР Т. В. Гамкелидзе информировал Научный совет о работе, ведущейся на кафедре. Важное ее направление составляет разработка методики структурного (как синхронного, так и диахронического) исследования языка. В настоящее время здесь выполняется дескриптивный анализ ряда языков (английского, грузинского, мегрельского, чеченского, аварского) в терминах таксономической и порождающей грамматики. В области математической лингвистики группа по дешифровке древних письменностей работает над анализом и машинной обработкой догреческих надписей, выполненных линейным письмом типа А. Изучаются вопросы сравнительной грамматики картельских, хеттско-лувийских и некоторых других индоевропейских языков. По линии создания учебных пособий по общему языкознанию следует отметить подготовку «Курса современной лингвистики».

Сообщение о ближайших перспективах работы журнала «Вопросы языкознания» сделал В. М. Жирмунский. В нем был охарактеризован наличный портфель журнала и говорилось о принятых мерах по созданию более широкого авторского актива (в частности, о соответствующей инициативной группе, которая будет работать в Ленинграде). Далее В. М. Жирмунский очертил план ближайших мероприятий журнала, особо остановившись на необходимости поставить на обсуждение целый ряд актуальных лингвистических проблем.

В заключение был зачитан отчет о работе, проведенной Научным советом в 1969 г. Совет шефствовал примерно над шестьюдесятью темами исследовательских работ, значившимися в проблемно-тематических планах институтов АН СССР, ее местных филиалов, республиканских АН и, частично, Министерства высшего образования СССР; эти темы концентрировались вокруг следующих проблем: общие вопросы теории и методологии языкознания, язык и мышление, психолингвистика, язык как система, генетическое изучение языков, типологическое изучение языков, вопросы прикладного языкознания.

В июне 1969 г. в Москве Совет провел конференцию по теме «Актуальные проблемы синтаксиса», на которой были прочитаны семнадцать докладов по вопросам синтагматической сочетаемости элементов речи, структуре, коммуникативным функциям и дифференциальным чертам предложения, различным аспектам синтаксической семантики. Конференция

прошла под знаком сближения методов структурного и «традиционного» анализа¹. Представители Совета в составе соответствующих организационных комитетов принимали участие в подготовке юбилейных сессий языковедов, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 150-летию со дня рождения Фр. Энгельса, проводящихся в 1970 г. С теоретическими докладами на периферии выступили член-корр. АН СССР В. Н. Ярцева (Ереван, декабрь 1969 г.) и Г. А. Климов (Махачкала, ноябрь 1969 г.).

Издательская деятельность Совета сводилась в отчетном году к публикации и подготовке к изданию работ. В серии брошюр Совета «Вопросы теории языкознания» вышла в свет книга Г. П. Торсуева «Проблемы теоретической фонетики и фонологии». Сданы в печать две очередные брошюры: «Наддиалектная форма устной речи и ее роль в истории языков» члена-корр. АН СССР А. В. Десницкой и «О функционально-семантических категориях» А. В. Бондарко. Подготовлена к публикации работа А. Д. Швейцера «Американская социолингвистика». Под общим названием «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения» издан сборник докладов на конференции по актуальным проблемам синтаксиса (отв. ред. Н. Д. Арутюнова). В наборе находится рукопись коллективной монографии «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках» (отв. ред. В. М. Жирмунский). При участии членов Совета начата работа по подготовке юбилейного сборника «Фридрих Энгельс и языкознание».

Научный совет принимал постоянное участие в координационных мероприятиях ОЛЯ АН СССР. Его члены обсуждали перспективный план научно-исследовательских работ на будущее пятилетие как на уровне ОЛЯ АН СССР, так и на уровне РИСО Президиума АН СССР, рассматривали планы редакционной подготовки и издания лингвистических работ на 1970 г. по институтам АН СССР и ее филиалам. Члены бюро Совета участвовали в заседаниях Бюро ОЛЯ АН СССР. Ученый секретарь Совета участвовал в подготовке к годичному собранию Отделения брошюры «Важнейшие итоги научно-исследовательской работы в области филологии в 1969 году».

Г. А. Климов (Москва)

¹ Подробней см.: ВЯ, 1970, 1, стр. 165—167.